

О РАЗЫСКАНИЯХ ГОРЬКОВСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ТОМОВ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»*

95 томом «Литературного наследства» отмечается 120-летие со дня рождения Алексея Максимовича Горького, великого писателя русской земли. Эти известные слова И. С. Тургенева о Л. Н. Толстом с полным основанием можно отнести и к Горькому.

С момента создания «Литературного наследства» Горький проявлял большой интерес к его томам. С 1931 г. вплоть до 1935 г. директор «Журнально-газетного объединения» М. Е. Кольцов отправлял Горькому каждую из очередных наших книг, включая огромный пушкинский том. Книги в мягких обложках Горький отдавал в переплет.

В третьей книге «Литературного наследства», вышедшей в 1932 г., были опубликованы «Сцены в полиции» В. А. Слепцова с послесловием К. И. Чуковского. Корней Иванович предпослал этому произведению статью Горького, которая была напечатана в виде вступления к повести Слепцова «Трудное время», вышедшей в 1923 г. в Берлине в издательстве З. И. Гржебина. Когда мы получили из типографии верстку третьей книги, Л. Л. Авербах, тогдашний член редколлегии нашего издания, попросил отправить Алексею Максимовичу верстку сатирической пьесы Слепцова вместе со статьями Горького и Чуковского. В ответ на имя Авербаха пришло следующее письмо:

«Дорогой Авербах!

Моя статья о Слепцове, — кстати сказать, очень слабая — воспроизведена, очевидно, не с рукописи, а с печатного текста.

В рукописи, насколько я помню, после второго абзаца, были приведены образцы приемов Слепцова, которыми он пользовался для изображения пейзажа и жанра.

Для пейзажа было взято несколько строк начала повести «Трудное время», а для жанра — сцена земского собрания из той же повести. Не думаю, что эти сокращения нужно восстановить, сообщая о них лишь в интересах «исторической правды». То же и на стр(анице) 2-й, где зачеркнут абзац. Тут выброшено много. Речь шла не только о «наших» днях, а, главным образом, об «эпохе великих реформ», дана была выдержка из «Губернских очерков» Салтыкова, кусок из «Нравов Растеряевой улицы» и затем следовала ссылка на провинциальные корреспонденции «Искры» Курочкиных. Статью эту в печати я не видел и кто ее сокращал — не представляю, сокращено страницы три, четыре. Выпало место, где я сравнивал Слепцова, как наблюдателя, с Якушкиным, противопоставляя их Рыбникову, Киреевскому, Сахарову и др(угим), которые собирали материал фольклора — песни от помещичьих хоров, т. е. материал цензурованный помещиками, искаженный. Якушкин «черпал» его непосредственно «из уст народа» на сельских ярмарках, на базарах. Н. Е. Каронин-Петропавловский говорил Короленко и мне, что у Слепцова были «толстые тетради» записей его бесед с сектантами, анекдотов, песен, рассказов о попах и «всякой похабщины».

В конце ст(атьи) Чуковского говорится о «неряшливости» изданий как о «системе». Неряшливость — от малограмотности, от лени, от «экономии», система же — нечто продуманное и целеустремленное. Таковая «система» была не только у издателей, а и у цензоров, редакторов и даже у случайных прохожих по художественной литературе, и «Литературное наследство» очень хорошо сделает, если обратит должное внимание на эту «систему», осветив ее солидной статьей, а то и несколькими. Случайный прохожий, это тот «редактор-издатель», который вламывался в литературу на время в целях содрать с писателя куска два-три кожи. О нем смотри в «Рассказах» Кушевского, в «Чертах из жизни Пепко» Мамина-Сибиряка и т. д.

В моей статье можете делать всякие изменения, пояснения и примечания. «Литературное» наследство не только сообщает о прошлом, но — исследует оное. Метод исследования должен быть сравнительным, иначе это не метод. В дан-

* От редакции. Отступая от традиции открывать каждый том редакционным предисловием, считаем возможным опубликовать вместо него последнюю статью редактора этого тома И. С. Зильберштейна, законченную незадолго до его смерти. Она посвящена многолетним разысканиям неизданных материалов, которые вел автор для горьковских томов «Литературного наследства». В короткой статье охвачена лишь часть работы редакции в этом направлении.

ном случае мы сравниваем революционно и радикально „демократическую“ мысль с ущемленной либеральной и нагло разнузданной консервативной, помещичье-дворянской. Это — основная линия сравнений, и она требует предельной силы и свободы критики всех и всяческих авторитетных репутаций. Далее: необходимо сопоставлять и противопоставлять биографии фигур одного и того же ряда. Напр(имер), Решетников и Кудевский, или Левитов, Каронин и фигуры сравнительно благополучной жизни. Нужно, чтоб наш молодой писатель, склонный к жалобам на „условия“, знал и понимал, каковы были условия в прошлом и как они ломали, уничтожали ценных людей. Далее: нужно просмотреть „Искру“ Курочкиных и дать статью о ней, о ее роли, о степени ее влияния на обывателя. Дать статью о сатире и юморе 60 гг. Изучить журналы: Оболенского — Филиппова, „Устой“ Златовратского, „Слово“, журналы Достоевских и т. д. Надо бы послать кого-нибудь толкового в Саратов, поискать там архив Каронина-Петропавловского, посмотреть нет ли чего-нибудь о Воронове и его друге — Левитове. Саратов вообще должен быть богат литературными материалами. Возможно, что там найдется что-нибудь о Чернышевском, о газете „Волга“, где работал — в числе других — Флеровский. „Волга“ издавалась в Астрахани, но ее архив, как говорил Сараханов, был спрятан в Саратове. Флеровский, говорят, жив еще и живет в Москве. Обследовать нижегородский „Лит(ературный) музей“, где возможны документы Дая, Боборыкина, Добролюбова, Мельникова-Печерского, Кокосова — врача Карийской каторги. В Самаре должен быть архив „Самарского вестника“ — первой марксистской газеты и документы поэта Фофанова. Вообще нужно обшарить провинцию. Не забыть Казань.

Ну вот, пока всё. Афиногенов говорит, что Вы уже раздерганы вдребезги. Мне очень смешно представлять Серафимовича в роли Людендорфа. Я писал хояину: нельзя ли несколько угасить страсти? Дело в том, что существует огромное количество крайне важной работы, и сражаться с Серафимовичем, я не знаю, насколько сие полезно.

Будьте здоровы и берегите себя. Жму руку. А. Пешков. 30.III.32

Р. С. Прилагаемый конверт, пожалуйста, передайте А. Б. Халатову. А. П.» (АГ)

Письмо Горького в «Литературное наследство», полностью публикуемое впервые, дорого нам не только как воспоминание о добром, внимательном отношении великого писателя к работе редакции. Письмо, на наш взгляд, и сегодня сохраняет свое историко-литературное и теоретическое значение. Подчеркивая, что «Литературное наследство» не только «сообщает о прошлом, но — исследует оное», что «метод исследования должен быть сравнительным, иначе это не метод», Горький предлагает ряд тем для сопоставительного анализа, причем, учитывая специфику нашего издания, указывает на возможные места хранения различных архивных материалов.

В 1933 г. редакция приступила к подготовке тома «Литературного наследства», посвященной публикации неизданных и забытых художественных и публицистических произведений Горького, его переписки, воспоминаний о нем, а также исследовательских разысканий о его творческой деятельности. Участвовать в работе над этим томом обещали В. А. Десницкий, Н. Е. Буренин, А. Н. Тихонов, И. А. Груздев, К. Д. Муратова, Е. Б. Тагер, ряд молодых горьковедов. Начались разыскания хранящихся в наших архивах дневниковых и мемуарных записей о встречах и беседах с Алексеем Максимовичем. Сохранилась папка с собранными тогда материалами.

В конце 50-х годов редакция «Литературного наследства» совместно с Архивом А. М. Горького приступила к подготовке 70 тома нашего издания — «Горький и советские писатели. Неизданная переписка». Я попросил К. А. Федина, О. Д. Форш и Л. П. Гроссмана, чтобы они разрешили скопировать хранящиеся у них автографы писем Горького, им адресованных. Этот том вышел в 1963 г. и получил высокую оценку не только в нашей стране, но и за рубежом. Нам известны 19 статей и рецензий на 70 том «Литературного наследства», в том числе появившихся в Праге, Берлине, Варшаве, Париже, Риме. Позволим себе привести отрывок из статьи Л. И. Лазарева «Ожившая история», посвященной этому тому, где отмечается, что «том „Горький и советские писатели“ уже получил единодушно высокую оценку в нашей печати». В заключение Л. И. Лазарев справедливо заметил: «Пусть не покажется это парадоксом, но том архивных материалов „Горький и советские писатели“ — по-настоящему современная книга, которая могла появиться лишь в наши дни. Не только потому, что здесь опубликованы письма к писателям, которые подверглись в годы культа личности репрессиям, или письма, в которых речь идет об этих писателях. Дело еще в том, что в годы распространения идеологии культа личности литературоведы нередко оказывались не в состоянии освоить материал, заключающий в себе столько противоречий и сложностей» (Вопр. лит. 1964. № 4).

Не меньше радостей, чем подготовка и выпуск в свет 70 тома нашего издания, нам принесла работа над созданием 72 тома — «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». Дело в том, что десятилетиями оставалось неизвестным местонахождение огромного архива Леонида Андреева, скончавшегося в 1919 г. в Финляндии, где должно было, в частности, находиться значительное количество писем Алексея Максимовича. В Архиве Горького о тех бумагах ничего не было известно, здесь хранились только одно письмо и одна записка Алексея Максимовича к Леониду Андрееву. И лишь от выдающегося американского слависта, профессора Вильяма

Эджертона, я узнал, что Валентин Андреев, младший сын писателя, живший в Париже, в руках которого находилась большая часть бумаг и переписки отца, продал автографы 93 писем Горького к Леониду Андрееву в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Автографы десяти писем Горького к отцу Валентин Андреев передал старшему брату Вадиму, жившему в Женеве. Благодаря профессору Эджертону, а также с разрешения директора Архива русской и восточноевропейской истории и культуры, доктора Филиппа Моали и директора библиотек Колумбийского университета доктора Ричарда Логедона удалось получить фотографии 93 писем Горького к Леониду Андрееву. Вскоре я списался с Вадимом Леонидовичем, и он прислал мне фотографии 10 писем Алексея Максимовича к отцу (позже, по моей просьбе, эти автографы В. Л. Андреев передал в ЦГАЛИ).

В 72 том вошли также 75 писем Леонида Андреева к Алексею Максимовичу, которые находились в Архиве Горького. Превосходный комментарий к переписке выполнил В. Н. Чуваков, а вступительную статью написала К. Д. Муратова.

Высоко оценила этот том нашего издания Маризетта Шагиния: «В 1965 году вышла книга, очень помогающая хорошо понять Горького и любовь к нему Ленина. Это семьдесят второй том „Литературного наследия“, содержащий неизданную переписку Горького с Леонидом Андреевым. Трудно найти еще пример в мировом эпистолярном наследии, где было бы больше блеска, остроумия, веселой молодой жизнерадостности и — драматического развития конфликта двух разных индивидуальностей... Замечательная эта переписка» (Шагиния и М. Лениняна, Семья Ульяновых. Очерки и статьи. М., 1977. С. 628).

Насколько дорог был В. Л. Андрееву наш 72 том, свидетельствует его дарственная надпись, сделанная на книге второго издания «Детства» (М., 1966): «Илье Самойловичу Зильберштейну с восхищением перед его неукротимой энергией и благодарностью за его великолепную работу над перепиской Андреева и Горького. С самым дружеским чувством Вадим Андреев. 6 октября 1966 г. Женева».

Благодаря многолетней дружбе с Жюльеном Кэном, директором парижской Национальной библиотеки, я с 1960 г. и по сей день получаю каталоги французских антикварных фирм, продающих автографы, а также каталоги аукционов, где происходят распродажи автографов.

В сентябре 1962 г. мне был прислан четвертый выпуск каталога распродажи знаменитой коллекции автографов Альфреда Дюпона. И в этом выпуске под № 55 сообщались сведения о письме Горького к Зиновию Пешкову от 3 июня 1926 г., которое начиналось словами «Мой дорогой Зина». Здесь же в переводе на французский язык была дана значительная часть текста письма. О продаже автографа было сообщено Архиву А. М. Горького, и в результате наших усилий, хождений в иностранный отдел Президиума Академии наук СССР, на аукционе, состоявшемся 22 ноября 1962 г., автограф был приобретен и передан в Архив А. М. Горького.

Луи Арагон, тогда часто бывавший в Москве, сообщил мне, что Зиновию Пешкову жив. А так как было известно, что 70 писем З. А. Пешкова к Алексею Максимовичу хранятся в Архиве А. М. Горького, то с полным основанием можно было предположить, что у Зиновия Пешкова имеется немало писем Горького.

Спустя полтора года после того, как в Архив А. М. Горького поступил автограф письма Алексея Максимовича к Зиновию Пешкову, приобретенный при распродаже коллекции Альфреда Дюпона, 17 июня 1964 г. Е. П. Пешкова послала письмо жившей в Лондоне М. И. Будберг, в котором просила ее обратиться к Зиновию Пешкову с предложением передать имеющиеся у него письма Алексея Максимовича в Архив А. М. Горького. В письме Е. П. Пешковой имеется такая фраза: «Нехорошо, что Архиву пришлось после больших хлопот попытку письма Алексея Максимовича к Зиновию от лица, к которому оно попало за границей, который приобрел его». М. И. Будберг ответила 6 июля 1964 г.: «Насчет Зиновия сделаю все, как вы просите».

В начале 1966 г., во время моего первого пребывания в Париже по приглашению французских друзей Андре Мазона и Жюльена Кэна, а также Андре Моруа, после трех встреч с Зиноviем Пешковым и длительных бесед с ним удалось убедить его в целесообразности передачи хранящихся у него 40 писем Алексея Максимовича и двух листов повести «Мать» в Архив А. М. Горького.

Перед отъездом во Францию мне вручили в Архиве письмо к З. А. Пешкову Марфы Максимовны, внучки великого писателя. Вот текст привезенного мною ответа на это письмо: «Париж 22/III 66 г. Дорогая Марфа. Отвечаю на Ваше письмо. Все письма А. М. у меня в сохранности. После моей смерти все будет передано Советскому Правительству для Института. Сердечный привет Вам и маме. Пешков».

Ценные бумаги, в том числе и автографы Горького, Зиновию Пешкову хранил в сейфе, а в его письменном столе находились книга Алексея Максимовича «Детство» и его фотографии с дарственными надписями. Надпись на книге гласила: «Духовному сыну моему, заслуженному повинисту Зиновию Алексею Пешкову несчастный отец. 25.VII.17. Петроград». На фотографии Алексея Максимовича надпись: «Дорогому моему Зине, отец Алексей Пешков — М. Горький он же. 15.VIII.26. Sorrento».

Я попросил разрешения перенести эти надписи и пригласил для этого фотографа. Незадолго до своей кончины 27 ноября 1966 г. (спустя семь месяцев после на-

ших встреч) Зиновий Пешков завещал положить в гроб фотографию Алексея Максима- вича с его дарственной надписью, где же находится ныне книга с дарственной надписью Зиновию Пешкову — неизвестно. После кончины Зиновия Пешкова принадлежавшие ему автографы Алексея Максимовича были доставлены в Москву и переданы в Архив А. М. Горького. Туда же я передал и привезенные пересъемки дарственных надписей Алексея Максимовича его «духовному сыну». Надеюсь, что в ближайший новый том «Литературного наследства», посвященный публикации неизданного эпистолярного наследия Горького, будет включена его переписка с Зиновием Пешковым.

В той же книге будет впервые издана переписка Горького с Г. А. Алексинским, подготовленная американским славистом Вильямом Эджертоном: он получил разрешение Архива русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете на публикацию хранящихся там 2 писем Горького к Алексинскому. Всего же в состав этой работы профессора Эджертона входит 24 письма Горького и 12 писем Алексинского (дополнением к тому, что было получено в США, явилась та часть их переписки, которая находится в Архиве А. М. Горького).

Для данного же — 95 — тома профессор Эджертон прислал мне фотографии четырех неизданных писем Горького к А. В. и И. В. Амфитеатовым, автографы которых были обнаружены в бумагах Амфитеатрова, приобретенных рукописным отделом Библиотеки им. Лилли Индианского университета (Индиана, Блумингтон).

На протяжении ряда лет я переписывался с жившим в США известным историком русского революционного движения Б. И. Николаевским. Находясь около полувека за рубежом, он занимался поисками документальных материалов по истории русского революционного движения русской культуры. Зная о том, что в Архиве А. М. Горького хранятся 28 обращенных к Алексею Максимовичу писем Николаевского, я попросил его сообщить, какими автографами Горького он располагает. Борис Иванович ответил мне 12 апреля 1965 г. подробным письмом, которое я опубликовал в своей статье «Рукописи Горького: поиски и находки» (Лит. газ. 1968. № 16). Особое внимание в этом письме привлекает сообщение: «Наиболее интересной является группа материалов о выступлении Горького в 1922 году с протестом против тогдашнего суда над социалистами-революционерами (Гоп, Тимофеев, Веденяпин и др.). Весь этот эпизод правильно может быть освещен только по этим материалам». Фотографии горьковских рукописей, хранившихся у Б. И. Николаевского, мне прислала его вдова Анна Михайловна Бургина.

За рубежом имеется множество писем Горького, однако у нас не только нет копий этих писем, но даже отсутствуют сведения об их существовании. Это прежде всего 56 писем Алексея Максимовича к А. А. Богданову.

Занявшись революционной деятельностью, Богданов эмигрировал. В 1913 г. Александр Александрович вернулся на родину, но оставил за рубежом чемодан со своими бумагами, перепиской, в частности с письмами Горького. Куда попали эти автографы, неизвестно.

В сотнях каталогов антикварных фирм и каталогов аукционов по продаже автографов я неоднократно наткнулся на сведения о продававшихся письмах Горького. Часто автографы Горького появляются на аукционах, устраиваемых антикварной фирмой «Штаргардт» в Марбурге (ФРГ). Фирма, основанная в 1830 г. в Берлине, выпустила объемистый каталог (№ 577), в котором извещалось, что в ноябре 1960 г. состоится аукцион, где будут продаваться аннотированные в каталоге 1300 автографов выдающихся политических деятелей, писателей, музыкантов, художников. И в их числе — автографы Ленина, Кропоткина, Горького, Тургенева, Глинки, Рубинштейна, Бородина, Чайковского, Глазунова, Айвазовского, Верещагина.

В каталоге № 77 берлинской фирмы по продаже автографов фирмы «Хельмут Мейер и Эрнст» под № 82 дано описание фотографии Горького с его дарственной надписью, а на отдельном листе воспроизведен автограф горьковского афоризма: «Только жрецы искусства служат истинному богу — богу красоты и правды».

В каталоге парижского антикварного магазина Ж. Морссена, датированном апрелем 1959 г., под № 92 названы автографы двух писем Горького Е. Гутнову (1922) и Василию Немировичу-Данченко.

В Ницце я видел превосходное собрание автографов, в котором имеется письмо Горького к бельгийскому писателю Францу Элленсу, датированное 11 декабря 1925 г.

За рубежом мне удалось обнаружить местонахождение и других автографов Горького, в их числе его письма к художнику Борису Григорьеву, писателям Алексею Ремизову, Владимиру Крымову, Гайто Газданову, общественной деятельнице Екатерине Кусковой.

Я пишу здесь обо всем этом потому, что собрание, изучение и публикация неизданных творческих рукописей и писем Горького — важнейшая задача современного горьковедения.

И. С. Зильберштейн